

Гнездо беркута / повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 22 января, 2025

Гнездо беркута / повесть

ГНЕЗДО БЕРКУТА

1. Что-то случилось

Глядя на готовый вот-вот рассыпаться остов кибитки и прохудившийся в нескольких местах войлок, Ябан с горечью вспомнил слышанные когда-то слова о том, что у человека и его жилища – один век, одна судьба. Видно, и его срок подходит к концу. Конечно, если поднатужиться, поднакопить немного денег, можно не только прогнившие жерди заменить, но и накрыть кибитку заново. Однако, эта старая, осевшая юрта была памятью о родителях, их небогатым наследством. Они поставили ее для Ябана с мечтами, что бы их сын обрел в этом доме семейное благополучие и достаток. Ему казалось: поменять здесь что-то – значит погрешить против их памяти. Двадцать лет прошло, как отошли они в иной мир, а все в доме осталось так же, как было при отце. Впрочем, нет. Одну вещь Ябан все-таки заменил, хотя ее и нельзя с полным основанием считать частью дома.

Зимами, когда у дехканина появляется немного свободного времени, отец Ябана охотился с беркутом в песках. По левую руку от входа в юрту врыл он столб, сидя на котором беркут отдыхал. Здесь же была обшитая красной тряпкой приманка-вабило, с которой Тарлан (так звали беркута) привык кормиться. Вот это вабило и пришлось сменить. Другого выхода не было.

После смерти старого охотника Тарлан так ни к кому из домашних и не привык. Внезапная потеря хозяина лишила птицу покоя. Ябан пытался приучить беркута к себе, но в конце концов отпустил его на волю. Время от времени тот прилетал проверить не вернулся ли его хозяин, некоторое время отдыхал на своем привычном месте, а потом снова улетал. Он возвращался все реже, пока не исчез вовсе.

Эта поразительная привязанность птицы к человеку, заронила в сердце Ябана страстное желание иметь такого же преданного беркута. И когда он заимел птенца, то назвал его тоже Тарланом и кормить стал на отцовском вабиле. Летом подоспел срок учить беркутенка охотиться. Когда тот набирал высоту, Ябан, размахивая вабилом, кричал «Хайт! Хайт!», и птица, привыкшая к тому, что хозяин этим кличем зовет ее полакомится мясом, камнем падала вниз. Острые когти беркута вонзались в вабило, но мяса не было, а была лишь красная тряпка. Обиженный беркут клекотал и шумно бил крыльями; оглядываясь вокруг, искал мясо. Ябану было жаль простодушную птицу. Чтобы успокоить беркута, он приглаживал взъерошенные перья и приговаривал при этом: «Не для потехи же я тебя обманываю. Вот научишься охотиться, тогда, — клянусь! — никогда тебя больше не обману!».

Но птица не верила уговорам, и вабило сделалось для беркута самой ненавистой в мире вещью. Он отказывался брать с него даже самые лакомые куски. Заметив вабило, злился и порывался улететь. Так продолжалось до тех пор, пока Ябан из войлока и куска плотной красной материи не смастерил новое вабило, взамен отцовского...

Ничего другого в доме перемены не коснулись.

Так же, как и его отец, Ябан хозяйничал на клочке земли, величиной всего лишь в один танап: выращивал там пшеницу, а, собрав урожай, сажал скороспелую фасоль и маш, которыми, в основном, и кормилась семья. Так что подобно труженику-хозяину земля тоже не знала отдыха.

Родители успели поставить Ябану дом и женить сына, но долго радоваться внукам им не довелось. Первенец Ябана — Акмурад — прожил совсем не долго. Четырех лет он заразился корью. Обессиленный малыш обнимал Ябана тонкими, слабыми ручонками и сквозь слезы допытывался: «Папочка, ты меня любишь?». «Как же мне тебя не любить, сынок? Ты ведь моя опора», — шепотом говорил Ябан, прижимая к себе сынишку. Он пообещал, что в пятницу они вместе поедут на базар за халвой. Малыш очень обрадовался: «Только ты меня не обмани, папа. Ты, правда, купишь халву?». Ябан дал зарок, что как только сын поправится, обязательно возьмет сына с собой на базар. Но Акмурад не

дотянул даже до пятницы. Позже, переживая горечь потери, Ябан всякий раз видел перед собой молящие глаза ребенка и слышал его слабый дрожащий голосок. Он испытывал чувство вины из-за того, что невольно обманул сына. Жалел, что никогда не брал его с собой прежде. Однако эта утрата была не единственной. Они с Джумагуль потеряли еще двух детей. Ябан понимал чувства жены, которая, проводив из этого дома в путь без возврата трех детей, свекра и свекровь, стала намекать мужу, что было бы неплохо переселиться. Так как Ябан делал вид, что не понимает ее намеков, она в конце концов высказалась напрямик и, чтобы просьба ее была убедительной, разрыдалась.

Однако не только смерть близких людей заставляла их задуматься о переезде. Отношения с соседями складывались так, что не только Джумагуль, но и сам Ябан был бы рад жить подальше от Рахима, ведь Скользким – Йылма – соседа прозвали не только за то, что брил бороду, скорее, за его ненадежный характер. Как-то они даже подыскивали место на другом конце села, и Джумагуль приготовилась разбирать юрту. Но в последний миг Ябан остановил ее: «Нельзя нам бросать этот очаг, Джумагуль! Сердце подсказывает, если бросим это место, так и в другом не найдем благополучия».

А уж как бы здорово было жить вдали от Рахима Йылмы! Сколько раз Ябан зарекался не иметь с ним дело. Но как сдержишь зарок, если вы соседи?!

От тяжелых дум его спас чайник, который поставила перед ним жена. Ябан сел и стал наслаждаться чаепитием.

Чай согрел тело и успокоил душу, но он все же не смог прогнать накопившуюся за день усталость. Об этом можно было догадаться по частому подергиванию век и по тому, как крепко его сильные пальцы сжимали пиалу, словно Ябан боялся ее выронить. На бесконечные вопросы Мерданчика, который ради отцовских сказок, ложился в постель вместе с курам, он отвечал рассеянно и односложно. В дни получше нынешнего Ябан обычно бывал словоохотлив, рассказывал детям разные истории и шутил с женой.

Тут покойное течение чаепития нарушил двенадцати-летний Хыдыр. Он буквально ворвался в кибитку и, остановившись на пороге,

никак не мог отдышаться: по-рыбьи, широко открывая рот, глотал воздух и размахивал руками.

– Где ты бродишь, полуночник?! – начал Ябан, но увидев, что сын не на шутку перепуган, забеспокоился. – Что случилось?.. Кто тебя напугал?

– Он, наверное, джина встретил, – высказал догадку Мердан, который хоть и был всего на год младше Хыдыра, но по-детски верил в сказки.

– Никакого джина я не встретил, – проговорил Хыдыр, наконец отдышавшись. – Знаешь, папа, отец Бабагельды свалился, а его мама сидит и плачет...

– Откуда свалился?

Хыдыр пожал плечами.

– Толком объясни!

– С земли...

– Как это?

– Просто...

– Голову морочишь!

– Бабагельды плачет и Тазегуль тоже плачет...

– А ты, спрашивается, что там делал?

– Мы с Бабагельды играли. Он сам позвал.

– Видно, что-то случилось, – сказала Джумагуль, которая занималась шитьем.

– Господи, да что же могло стрястись? – не на шутку встревожился Ябан. Он встал, снял с вешалки свой чекмень и стал собираться к соседям.

– Папа...

– Что еще?

– Не ходи к ним, – попросил Хыдыр.

– Это еще почему? – удивился Ябан.

– Просто так. Не надо...

Хыдыр собирался еще что-то сказать, но Джумагуль не дала ему договорить.

– Отец сам знает, что делать! – прикрикнула она на сына. – А ты садись и попей чайку, пока он совсем не остыл.

2. Соседи

Рахим Йылма брел к своей юрте и проклинал снегопад, который все усиливался. Только кожаный колпачок его охотничьего беркута Алгыра, который мял в своем кулаке Рахим, знал, что сейчас творится в его душе. Но и этого показалось ему мало: проходя мимо навеса, Рахим Йылма в сердцах швырнул колпачок туда, где обычно сидел беркут. У порога дома он ненадолго задержался, прислушался к доносящимся детским голосам, потом тихонько толкнул дверь. Когда он появился на пороге, детский гомон сразу стих. Ни на кого не глядя Рахим прошел в глубь юрты, сбросил шубу, лег на свое хозяйское место возле очага. Перед глазами у него все мелькало, куда-то валилось, словно дом превратился в вертящееся веретено. Он захотел сесть, но не сумел пересилить тяжесть, что давила на затылок. В ушах звенело, перед глазами плясали огненные светлячки, взгляд стал меркнуть. Только потрескивание саксаула в очаге нарушало мертвую тишину.

Зохра кинулась к мужу. Плача стянула с его ног чокаи, размотала насквозь мокрые портянки. Потом накрыла мужа одеялом и, подкладывая ему под голову еще одну подошку, осторожно спросила:

– Что стряслось, отец?

– Покинул он нас, жена, – прошептал, чуть не плача Рахим Йылма. – Ушел!.. Сколько я ни звал, так и не вернулся.

– Да разве мыслимо из-за этого так расстраиваться! Ушел – ну и ладно! Пропади он пропадом. Убиваешься, точно сына потерял, – прибавила она в сердцах, протягивая мужу пиалу с чаем. – На, выпей! Другого беркута заведешь.

Рахим с трудом приподнялся, взял пиалу и, шумно прихлебывая, опорожнил ее. Потом снова повалился на подушки. Хотя он был накрыт теплым одеялом, озноб бил его, а голос жены доносился издалека, словно сквозь толстый слой ваты.

– Хыдыр-джан, – говорила та соседскому мальчишке, – ступай-ка, дружок, домой. Наигрались уже на сегодня, хватит. Ступай! Время позднее, дяде Рахиму отдохнуть хочется, а вы шумите.

Тазегуль – младшая дочь Рахима Йылмы, растопырив глазенки, смотрела на отца. Его трясла лихорадка. Девочке сделалось

страшно, она всхлипнула, потом громко разрыдалась.

– Не плачь, доченька, – принялась утешать ее Зохра. – Если будешь плакать, дядя твой облысеет, – говорила она, утирая дочке слезы.

Тазегуль прижалась к матери. Слезы душили ее, она хотела, чтобы отец перестал страдать, чтобы все сели ужинать. Ей было жалко отца, у которого улетел беркут.

– Мама, Алгыр от нас навсегда улетел? – спросила она у матери.

Зохра не знала, что ответить. Она пожалела о словах, сказанных сгоряча мужу.

– Ну, что ты, доченька, – наконец сказала она, сама с трудом сдерживая слезы. – Вернется наш Алгыр, обязательно вернется. Без нас он пропадет. – Она обняла притихшую дочь, стала гладить ее по головке.

Некоторое время спустя из-за двери послышалось чье-то осторожное покашливание, потом в дверях показался Ябан.

– Вечер добрый!

Рахим Йылма уже немного отошел, он с трудом оторвал голову от подушки, приподнялся и, увидев, кто явился, застыл в этом неудобном положении, не зная, что сказать незванному гостю.

– Гость – к добру! – встрепенулась Зохра. – Проходи, сосед. Садись вон там. Что-то давно тебя видно не было?

– Не помешаю ли, Рахим?

– Все в порядке! Проходи, Ябан, садись.

Усаживаясь, Ябан огляделся. Давно он здесь не был. Вещей за это время у соседа прибавилось. Появился красивый резной сундук, да и ковров стало побольше.

– Сейчас Хыдыр прибежал, говорит, что ты, Рахим, упал... – начал Ябан, с вопросом глядя на соседа.

– Алгыр не вернулся. Вот, что случилось, – объяснила Зохра. – Да и сам простыл, видно. А что беркут улетел, так, с одной стороны, это даже не плохо. Хищник, он и есть хищник. Лучше от него подальше держаться. Слышал, небось, что Сулеймана беркут натворил. Уж как он его любил, как холил! А он, проклятый, его сыну всю голову расклевал. Бедняга, как увидел, что стряслось... До сих пор, говорят, Сулейман сам не свой. Вот и скажи, сосед,

что я неправа.

– Вообще-то так... – согласился Ябан.

– Пейте чаек! Вы побеседуйте пока, а я ужин согрею. Дурдымурад-джан, сынок, принеси-ка дров.

Сидевший в сторонке Дурдымурад, видно, мечтал о чем-то своем, потому что услышал мать, лишь когда она повторила свою просьбу. Услышав свое имя, он резко повернулся в сторону матери. Потом вскочил и кинулся к двери. Впопыхах споткнулся о сложенную горкой посуду. Покраснев от смущения, поднял два разбитых чайника и испуганно посмотрел на отца.

– Будь ты проклят!.. – крикнул Рахим Йылма.

– Не сердитесь, отец, не надо, – заступилась за сына Зохра. – Посуда бьется, говорят, к счастью!

– Ну, раз так, то и этот разобьем! – Рахим Йылма схватил стоявший перед ним чайник и швырнул его в сына. Дурдымурад едва увернулся.

– Разве можно так, отец?! – вскинулась Зохра. – Хорошо, хоть промахнулись. Он же не нарочно. Ступай, сынок. Растет прямо на глазах. Благодарение Аллаху, что дал нам такого сына. Ты б накинул на себя что-нибудь, а то простудишься, – крикнула она вдогонку сыну.

– Не сглазить бы, сосед, но Дурдымурад у нас – огонь! – сказала она, когда тот вышел из кибитки, а сама в сердцах ругнула сына, который оставил дверь открытой. – Что его не попросишь – все сделает. – Она подошла к двери, захлопнула ее. – Расстроился на отца глядя. А так у него любое дело в руках горит.

Ябан искоса наблюдал за Рахимом. Годы, похоже, не старили соседа. Если не считать несколько появившихся в последнее время морщин, он все еще выглядел молодо. Высокий лоб и острый подбородок как бы удлиняли его худое безбородое лицо. Хотя Рахим изо всех сил старался не выказать своей слабости, лихорадка терзала его все сильнее.

Ябан понял, что без лекаря здесь не обойтись, и отправился звать табиба, который жил на другом конце села.

3. Подарок

В свое время Ябан немало помучался, чтобы заиметь хорошую птицу. Началось с того, что у парня, промышлявшего где-то в Кугитанге, он купил весной три белых с яркими красными пестринами беркутиных яйца. Вынашивал их по старинке: в поясе, связанном из верблюжьей шерсти, который носил на себе не снимая до тех пор, пока не вылупились птенцы.

Этот способ существовал издавна, достался от дедов и прадедов, и у знатаков почитался наилучшим, хотя в последние годы применялся все реже и реже. Как полагал Ябан, отвадили от него людей бездельники-острословы. Досталось от них и ему. Односельчане, заметив Ябана в таком поясе, изощрялись на все лады.

Стоило показаться на людях, обязательно находился остряк, который на потеху остальным принимался расспрашивать его о здоровье: «Как себя чувствуешь, Ябан? Надо же, все лицо пятнами пошло. Ничего, не огорчайся: родишь – сами исчезнут». И ни одно застолье не обходилось без того, чтобы кто-нибудь не попросил «дать Ябану чего-нибудь соленьенького», а остальные, отводя взгляды, хихикали. Старики бранили шутников: «Хей, бестолковые! Что ж, по-вашему, ремесло исчезнуть должно?!». Но сколько не потешались над ним, настойчивость Ябана победила.

Птенцы вылупились из всех яиц. Себе он оставил самку, так как всякому любителю ловчих птиц известно, что они сметливы и преданы хозяину. Самцов же, когда они встали на крыло, отпустил на волю. Он жалел об этом всякий раз, когда наступала пора брачных игр, и его Торлан, повинувшись своей природе, билась о прутья кибитки, стремясь на простор, к своим сородичам.

С осени он стал готовить птицу к охоте. Кормить ее начал вымоченным мясом, чтобы беркут не полнел и истосковался по свежей крови. Перед тем, как выпустить в первый свободный полет, трое суток держал беркута без сна, чтобы измученная бессоницей птица, стремилась поскорей вернуться на свой хекем. Сам измучился не меньше беркута. Потом учил беркута «братью» добычу. Подготовка к настоящей охоте длилась почти месяц. Но

когда наконец отправились в пески, первая же дрофа чуть не свела на нет все старания Ябана.

Когда он снял с головы птицы кожаный колпачок и отправил Торлана в полет, беркут, хотя дичь была рядом, вместо того, чтобы преследовать летящую дрофу, начал набирать высоту, чтобы потом, как положено, камнем упасть на добычу. Дрофа разгадала этот маневр. Она, шумно трепеща крыльями, опустилась на землю, и задрала хвост. Когда беркут уже выпустил когти, чтобы схватить дрофу, та обдала его струей жидкого зловонного помета, а сама отбежала на несколько шагов в сторону. От нестерпимой рези в глазах у беркута пропала всякая охота преследовать дрофу.

После этого Торлан чуть не лишился зрения. Раз за разом Ябан промывал ему глаза, потом привез знахаря, сведущего в глазных болезнях. По воле Аллаха, птица не ослепла, хотя зоркость левого глаза у нее чуть ухудшилась. С тех пор прошло десять лет. Изъян, известный только хозяину, не помешал беркуту стать отличным охотником, прославленным на всю округу. И эту славу предстояло подтвердить сегодня на празднике, который Нурджан-ишан устроил в честь свадьбы своего сына.

Когда Ябан прибыл на место, до начала состязаний оставалось еще немало времени. Вокруг низины, где они должны были проходить, собралось уже множество любопытных. Место здесь было просторное, тут и скачкам не было бы тесно. Охотники со своими птицами держались особняком от зрителей.

Наконец на круг выехал верхом на лошади Дурдымурад – сын Рахима Йылмы. Толпа встретила паренька довольными криками – все уже заждались. Дурдымурад, улыбаясь, приветственно помахал зрителям рукой. Потом, обернувшись, кивнул организаторам состязаний – мол, я готов.

К луке его седла на длинной бечеве привязали чучело лисицы. Задачей Дурдымурада было доскакать до шеста с платком, который был установлен на другом конце низины. Ловчей птице полагалось взять лисицу прежде, чем Дурдымурад достигнет отметины. Чей беркут будет быстрее, того и объявят победителем, тому и достанутся призы.

Первым вызвали Нургельды. Когда судья взмахнул платком,

Нургельды снял с головы своего Бека кожаный колпачок и рукой указал своему беркуту, где скрывается добыча. Беркут увидел «лисицу» и взлетел.

Дурдымурад принялся нахлестывать лошадь.

Рыжая шкура, точно это была живая лисица, влекомая всадником, часто меняла направление. Она оказывалась то справа от лошади, то слева. И все же беркут улучил нужный момент, камнем упал на лисицу и вцепился ей в загривок. По правилам состязаний Дурдымурад должен был тотчас отпустить бечеву. Но он сделал это, лишь когда лошадь промчалась мимо вешки. Однако, эта уловка не помогла: беркут, хоть ему пришлось несладко, крепко держал свою жертву.

– Ты что ж это делаешь, ублюдок! Почему сразу веревку не отпустил? – накинулся на Дурдымурада Нургельды. – Не умеешь – не берись. Беркут давно взял «лису». Я знаю, это ты нарочно...

– Ваш беркут – тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! – настоящий охотник, – льстиво улыбаясь, затараторил Дурдымурад, точно не слышал адресованной ему брани. – Как он приманку потрепал!.. Она теперь и на лисицу не похожа. Настоящий охотник!

– Да и хозяин у него – орел! – сказал подобревший от похвал Нургельды. – Так-то, джигит!

Один за другим отправлялись в полет беркуты и не было среди них птицы, которая не смогла взять «лисицу». Призы доставались всем. Каждому – по достоинствам его птицы, а уж за этим следили придирчивые знатоки, оценивавшие какую игру показал беркут.

Когда подошел черед Торлана, Дурдымурад решил подыграть. Теперь он не гнал лошадь, как прежде. Напротив, исподтишка сдерживал ее, а нагайкой размахивал только для виду, чтоб обмануть зрителей. Но этого ему показалось мало: Дурдымурад выпустил веревку за миг до того, как беркут Ябана вцепился в «лисицу». Это не осталось незамеченным, и зрители недовольно зашумели.

Но больше всех огорчился сам беркут. Он разок клюнул неподвижную рыжую шкуру, догадался, что его обманули, забил крыльями и обиженно заклекотал. Потом взмыл ввысь и устремился на лениво скачущую лошадь.

Дурдымурад, заметив это, тотчас прикрыл голову лошади попоной, а сам соскользнул из седла вниз. Атаковавший лошадь беркут был вновь обманут: вместо живой плоти в его когтях оказалась тряпка. Он взмыл с нею ввысь, там ему наконец удалось избавиться от обузы, и вконец разозленный он приготовился к новому нападению.

Теперь Дурдымурад струсил не на шутку: беркут падал прямо на него. Он попытался укрыться под брюхом лошади. Но, когда острые беркутиные когти вцепились ей в спину, в общем-то мирная кобыла, громко заржала и поднялась на дыбы. Теперь Торлан мог наказать обидчика, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не подоспел Ябан. Его крики «Хайт! хайт!» отвлекли птицу, и в следующий миг она была уже в руках у хозяина.

В душе Ябана все кипело от возмущения, но увидев побледневшее от страха лицо и трясущиеся губы испуганного на смерть мальчишки, он сдержался.

— Что ж ты так оплошал, Дурдымурад? Видишь, как люди недовольны. Нельзя бечеву раньше времени отпускать.

Дурдымурад понемногу приходил в себя, глупо улыбался и лихорадочно искал, что сказать в оправдание. Но мысли мешались. Он не придумал ничего путного и, заикаясь от волнения, стал расхваливать беркута.

— Ваш беркут, Ябан-ага, — настоящий охотник. Что ему лиса!.. От него и лошади досталось...

— Торлан, хоть и птица, но тоже не любит, когда ее обманывают, — прервал Ябан поток его болтовни, надевая на голову беркуту колпачок. Потом он отъехал в сторону и там, приложив руку к груди птицы, попытался сосчитать частые удары готового разорваться сердца, но почти сразу же сбился со счета. «Не страдай, Торлан! Ведь это всего лишь игра», — прошептал он, а сам подумал: что одному — забава, другому — смерть.

Перед глазами у него все еще стояло белое, как полотно, лицо испуганного мальчишки. Он вспомнил, как тот, ползал по земле, пытаясь спрятаться под лошадь, а потом его неуместную лесть — и во всем этом угадывались повадки Рахима Йылмы.

В прежние времена тот всякий раз накануне состязаний отправлялся задобрить ездового, который должен был волочить лисью шкуру. Просил, чтобы тот не очень гнал лошадь, когда придет черед Алгыра. Унижался, говорил льстивые слова. И иногда это приносило плоды. Позже, когда подрос Дурдымурад, Рахим Йылма всеми правдами и неправдами добился, чтобы волочить «лису» поручили его сыну. Теперь ему не надо было унижаться, обивать чужие пороги. В нужный момент Дурдымурад придерживал лошадь. Конечно, эта уловка не могла обмануть знатоков. Но когда Ябан однажды поднял шум, требуя честной игры, судьи только снисходительно ухмылялись. «Каков отец, таков и сын!», – с горечью думал Ябан, и это, пожалуй, огорчало его не меньше, чем сегодняшняя неудача Торлана.

– Ябан-ага!.. Ябан-ага!

Ябан оглянулся на крик, остановил лошадь, подождал, пока Нургельды, которому сегодня достался главный приз, поравняется с ним.

– Ваш беркут, Ябан-ага, лучшая во всей округе ловчая птица. Никто не может с Торланом сравниться. И заслуга в этом... – он сделал паузу, чтобы придать торжественность своим словам, – ваша, да, ваша, Ябан-ага. Порадовал меня сегодня ваш беркут. Давно, скажу вам, не получал я такого удовольствия. А потому, позвольте сделать вам подарок...

– Подарок? – удивился Ябан.

– Примите этого барашка, – Нургельды взглядом указал на тучного двухгодовалого барана, который лежал поперек холки на его лошади. – Клянусь, намерения мои чище материнского молока!

Щедростью Нургельды не страдал, это было известно всем в селе. Ябан не знал, как быть: принять такой щедрый подарок или отказаться под благовидным предлогом.

– Да я вижу, вы, Ябан-ага, сомневаетесь, – напирал Нургельды. – Угадал? Верно? Так вот, скажу вам, Ябан-ага, зря. Этот барашек ваш по праву. – Он снял с плеча своего беркута и сказал, обращаясь к нему: – Ты уж, Бек, не обижайся, но награда наша должна принадлежать Торлану. – Он снял с головы Бека колпачок и подбросил птицу в воздух. – Лети домой, Бек!

Да не озоруй! А я скоро, только помогу Ябану-ага: подвезу барашка до его дома.

Когда приехали, Нургельды спешился, снял с лошади барана.

– Гелнедже! – крикнул он, – эй, гелнедже, где вы? Забирайте вашего барашка. Сегодня беркут вашего супруга доставил мне ни с чем несравнимое наслаждение, а потому я решил хоть малой долей отблагодарить Ябана-ага...

Джумагуль выглянула из дома, посмотрела на Нургельды, на мужа и снова скрылась за дверью.

Нургельды, ухватив барана за рога, потащил его к загону.

– Неудобно получается. Не знаю даже, как тебя благодарить, – сказал Ябан-ага, когда Нургельды возвратился.

– Чепуха! О какой благодарности вы говорите. – Нургельды подошел к своему коню, вставил ногу в стремя.

– Ты что, уезжать собрался?!

– Дела, Ябан-ага.

– Да хоть чайку попьем.

– Какнибудь в другой раз. – Нургельды сел в седло.

Из кибитки, держа в руках сачак, вышла Джумагуль. Подошла к Нургельды.

– Вот это вы вовремя, гелнедже, – сказал тот, отворачивая край скатерки. – Неудобно уходить, не отведав хлеба-соли.

Он отломил кусочек чурека, взял его в рот, произнес благодарение, а потом пришпорил своего коня.

С улыбкой смотрел в след ему Ябан, а, когда Нургельды скрылся из виду, сказал стоявшей рядом Джумагуль:

– Ну-ка, жена, побалуй меня чайком. Попьем вместе... Сколько бы ты мне сегодня не угождала, все будет мало.

Джумагуль не проронила в ответ ни слова.

А как хотелось Ябану поделиться своей радостью! Когда у человека хорошее настроение, тишина его угнетает. Ведь сколько случилось сегодня. Не один Нургельды восхитился умом Торлана. Это было зрелище. Конечно, по началу, когда Дурдымурад придерживал лошадь и выронил раньше времени веревку, недовольных было много, но потом... То, что сделал Торлан, всем подняло настроение. Нет, не посрамил беркут своего хозяина! А каков Нургельды! Отдал барана и глазом не моргнул!

Джумагуль точно прочитала его мысли.

— Нургельды просто так даже пыль со своих ковров не даст. Неспроста это. Что, интересно, ему от нас потребовалось? — спросила она, ставя перед мужем чайник.

— Я и сам поначалу удивился, — признался Ябан. — Говорит, от чистого сердца, материнским молоком клянется. А щедрость такая — верно, не всякому доступна. Я бы, может, тоже хотел подарки делать, да откуда взять.

— Все равно, что-то здесь не так. Чего-то, отец, ему от нас надо!

— Да что у нас взять? — Ябан окинул взглядом кибитку. — Ну, скажи, на что тут позариться...

Джумагуль промолчала.

Вернулся домой Хыдыр. Нос у него был разбит. Одной рукой он размазывал по щекам кровь, другой — прижимал снег к переносице, чтобы остановить кровотечение.

— Что случилось? — встревожился Ябан.

— Ничего, — буркнул Хыдыр. — Подрался просто.

— Это с кем же?

— С Бабагельды.

— С Бабагельды? — удивился Ябан. — Как же это он тебе нос расквасил?.. Ведь он младше, да и послабей, пожалуй, будет.

— Зато у него прихвостней полно. Пусть только выйдет один на один.

— Какие еще прихвостни?

— Такие... Обыкновенные... Все за него!

— А я вот что думаю, сынок, — сказал Ябан, влажным полотенцем стирая с лица сына запекшуюся кровь. — Если все за Бабагельды, может, ты сам в чем-то виноват.

— Ничего я не виноват, — огрызнулся Хыдыр. — Просто Рахим-ага богатый, вот все и подлизываются. Он своего сына в обиду не даст. Если бы я Бабагельды нос разбил, он бы сразу прибежал. А вы — боитесь!

— Нечего было задираться, — сказала Огульсенем. — Признайся, ведь это ты драку затеял. Бабакулы ни с того, ни с сего драться не станут.

— Заткнись! — крикнул сестре Хыдыр. — Я знаю, почему ты

Бабагельды защищаешь. А родной брат – хоть сдохни!..

– Ты где таких слов набрался?

– А что же она...

– Ты стоял, а он на тебя набросился?

– Просто он врет, врет, папа, – Хыдыр дрожал от ярости. В глазах у него блестели слезы, он едва сдерживался, чтоб не разрыдаться.

– Не из-за каждого же слова в драку лезть.

– Да?! Он говорит, что ты лизун, что тебя вчера никто не звал, а ты прибежал подхалимничать. А я сказал, что его отца Аллах проклял, и поэтому у него беркут улетел.

Глядя, как терзается сын, Ябан почувствовал, что и у него сердце защемило. Он уложил Хыдыра, накрыл его одеялом, взял руку сынишки в свою большую ладонь и пожал ее, желаю, чтоб сын почувствовал его участие. Но Хыдыр не понял его.

– Я его убью. Я их всех поубиваю, – без конца твердил он, распаляя себя так, словно речь шла о чести рода. – Пусть выходят один на один. Сами они лизуны несчастные, так и бегают вокруг Бабакулы.

Внезапно какая-то мысль завладела им. Лицо его сделалось строгим, он сел и заглянул в глаза Ябану.

– Папа, он неправду говорит?

– Кто?

– Бабагельды.

– Конечно, сынок.

– Папа, они хоть богатые, но плохие. Ты не держи их сторону, – попросил Хыдыр. И, пожалуй, это было самое главное, что он хотел сообщить. После этого Хыдыр успокоился, а вскоре задремал, прижавшись к отцу.

4. Поддержка

Неделю Рахим Йылма не вставал с постели, горел огнем. Мысли о пропавшем Алгыре и раздирающий грудь кашель чуть не доконали его. Не было сил голову с подушки поднять. Спас его наваристый, крепко наперченный унаш, после которого Рахим как следует пропотел заснул целующим, сладким сном.

Неизвестно, сколько бы он проспал, но чуть свет его растолкала дочь.

– Папа! Папа! Бушлук!

– Ну, что тебе? – проворчал Рахим, все еще не желая расстаться со сном.

– Наш Алгыр скоро прилетит! – сообщила Тазегуль.

Рахим так и сел.

– Кто сказал?

– Мне сон приснился. Вроде оказалась я на озере Сувгуяр. И прилетел ко мне Алгыр. Сел мне на руку – тяжелый такой! Я ему говорю: «Алгыр-джан, зачем ты он нас улетел? Мы же все тебя любим. Папа, с тех пор как ты нас покинул, болеет. Во сне зовет тебя. Возвращайся, Алгыр! Я тебя еще сильнее любить буду. Свою долю мяса отдам...» А Алгыр взлетел и крикнул мне человеческим голосом: «Я скоро прилечу, Тазегуль!» Вот какой сон. Мама говорит, что такие сны – вещие...

– Сон!.. – передразнил дочь Рахим. – Делать вам с матерью нечего. Разбудила чуть свет!

Рахим Йылма лег на бок, укрылся с головой одеялом. Хотелось еще немного поспать, но рассказ Тазегуль расстроил его. Где сейчас Алгыр? Что с ним? «Давно надо было ему колпачок обновить, – думал он. – Алгыр золотой короны заслуживал, а я ему лоскут кожи пожалел», – корил себя Рахим.

Ему показалось, что со двора донесся знакомый клекот. Он тотчас сбросил одеяло, сел на постели.

– Слышите?.. Вернулся!.. Вернулся, наш Алгыр! Чего сидишь?! – крикнул он перебиравшей рис дочери. – Беги во двор! Кричи: «Хайт! Хайт!»

– Я же вам говорила, папа!

Тазегуль выбежала из кибитки. А Рахим шепотом благодарил Аллаха за то, что тот услышал его молитвы. Но время шло, Тазегуль не возвращалась, и Рахим Йылма потерял терпение. «Хайт! Хайт!» – несколько раз крикнул он. На его зов в кибитку вернулась Тазегуль. Глаза девочки были полны слез.

– Он вернется, папа! Обязательно вернется!

– Дура! – разозлился Рахим. – Трудно было пару раз «Хайт!» крикнуть? Чтоб ты хлебом подавилась!..

Он торопливо оделся, вышел из кибитки, пошел к навесу, под которым жил его беркут. Здесь было пусто, а потому сделалось Рахиму тоскливо. Конечно же клекот беркута ему только почудился. Он почувствовал, что хворь возвращается в его тело и побрел в дом. Там, не говоря никому ни слова, разделся и снова завалился спать.

Разбудил его чей-то голос. Рахим выглянул из-под одеяла. В юрте была одна лишь Тазегуль. Рассадив у сундука своих кукол, девочка разговаривала с ним:

– ...Алгыр тоже скучает по папе. Проголодается и прилетит, чтобы ему папа мяса дал. А ты, Абадан, почему улыбаешься? – сказала она, беря в руки одну из кукол. – Не веришь? Вот тебе!.. Вот тебе, дурочка! Чтоб ты хлебом подавилась! Наш Алгыр обязательно вернется!

Хотя Рахим Йылма понимал, что беркут теперь уже не прилетит на своей хекем, ему очень хотелось верить словам Тазегуль. «Пусть будет, как она желает», – прошептал он и улыбнулся. Улыбнулся впервые с тех пор, как слег.

Когда Рахим был здоров, он порой не замечал, как проносится день, и временами делалось страшно, что так же быстро промелькнет вся жизнь. Теперь же, когда он лежал в постели, всякий день тянулся дольше вечности. И, как назло, почти не было желающих его проведать, а если и приходил кто, так не задерживался: посидев рядом с больным только ради приличия, торопились по своим делам. Рахим Йылма виду не подавал, но в душе проклинал этих лицемеров. «Если идешь к больному, так прихвати что-нибудь вкусненькое, посиди с ним, поговори», – рассуждал он.

В дни болезни Рахим с удивлением обнаружил, что лишь его сосед по-настоящему заботлив. Хотя у Ябана имелось немало причин обижаться, тот каждый день заходил справиться о здоровье, причем не с пустыми руками и всегда предлагал помощь: «Если что требуется – не стесняйся, Рахим, только скажи. Болезнь-то не вечно над человеком властвует». Эти посещения сделались привычными настолько, что когда Ябан задерживался, Рахим Йылма начинал раздражаться по всякому пустяку, ему казалось, что все его забыли, точно он уже умер.

Вечером, когда Ябан появился на пороге, держа перед собой миску с угощением, лицо Рахима расплылось широкой довольной улыбкой.

– Проходи, Ябан-джан! Проходи, дорогой! – приветствовал он гостя.

– Ну, как дела? Поправляешься? – осведомился Ябан, ставя на край дастархана миску с куртуком. – Угощайся, сосед. Только что приготовлено.

– Да вознаградит тебя всемогущий Аллах, Ябан-джан. Поверь, я так рад твоему приходу. В дни болезни люди познаются. Я ведь знаю, что кое в чем виноват перед тобой.

– Оставь этот разговор, – смутился Ябан.

– Нет, нет. Вот и давеча твоего Хыдыра наш шалопай обидел. Уж не знаю, когда этот сукин сын человеком наконец станет. Ничего, вот поправлюсь, я его так взбучу, что он света невзвидет.

За едой говорили о разных пустяках. А когда поужинали, Рахим почему-то забеспокоился, сделался суетливым, точно ему предстояло сообщить что-то малоприятное, и, наконец, заглядывая Ябану прямо в глаза, словно желая прочесть, как тот отнесется к его словам, начал говорить о наболевшем.

– Когда черепаха случайно на спину перевернется, сородичи ее не бросают. И дикий жеребец не оставит свой табун, если грозит опасность. Наоборот, сам под пули бросаться будет. А ласточки?... Чужих птенцов, если те осиротели, выкармливают. Вот и объясни мне, Ябан-джан, отчего люди самые неблагодарные из всех божьих тварей. Нет, не спорь. У меня ведь глаза есть, вижу, кто чего стоит. Взять тебя: среди ночи, сном своим жертвуя, отправился за лекарем. Поверь, сердце мое этого никогда не забудет. Мало на свете таких людей, как ты! Эти вещи понимать начинаешь, когда нет сил голову от подушки оторвать. Вот, Нургельды... Прямо тебе скажу: ошибался я в нем! Что делать, видно и меня некипяченым материнским молоком выкормили! Только, понимаешь, из грязи вылез, сразу нос задирать стал. Ни разу, негодяй, о моем здоровье не справился! А если бы я барана зарезал, так он бы вмиг тут оказался. Жрал бы, да меня нахваливал. Клянусь!..

Разговор затянулся до поздней ночи. И надо сказать, что речи соседа лучше всякого бальзама залечили раны Ябана, раны от обид, причиненных ему в разные годы Рахимом Йылма. Когда возвращался домой, душа Ябана пела, точно весной. Еще издали он заметил двоих, а когда приблизился услышал взволнованную речь парня:

— Я уж не знаю, что еще делать. Не могу же я напрямик им сказать. А уж чего только не делал! Взгляни на мой лоб. Пять раз на глазах у матери о притолоку лбом ударялся. Другая бы сразу догадалась, что сын вырос и его пора женить. А моя никаких намеков не понимает. Знай себе твердит: «Расти, сынок, нам на радость». Я уж и кричал им. Вышел вечером из кибитки и крикнул: «Пора сына женить!». А они сделали вид, точно ничего не слышали. Не горюй, милая! Все будет, как мы хотим. Клянусь, месяца не пройдет, как моя матушка придет к вам с дастарханом...

Ябан узнал голос Дурдымурада. Вспомнил, что у соседского сына в последнее время все время разбит лоб, и, усмехнувшись, пожалел бедолагу, у которого такие недогадливые родители.

Самому Ябану ни разу в жизни не доводилось ходить на тайные свидания с девушками. Такое ему только снилось ночами. Но, как наяву, пьянил влекущий взгляд черных глаз. Он брал в свои нежные девичьи ладони. Дрожь волнения пробегала по телу. Набравшись смелости он обнимал красавицу, и, задыхаясь благоуханием ее волос, гладил длинную косу.

Безропотно ждал Ябан того дня и часа, когда удастся вновь перекинуться парой слов с соседкой. Не только ночью, но и днем, стоило лишь закрыть глаза возникала она перед его мысленным взором. О, как прекрасны девушки, которые доступны нам только в мечтах! Но увы, огонь в сердце соседской девчонки воспламенил не Ябан, а совсем другой парень. После этого она перестала ему являться даже в снах...

Теперь Ябана влекло к этим двоим не столько любопытство, сколько желание прикоснуться или хотя бы приблизиться насколько возможно к чужому счастью. Он был уверен, что эти двое счастливы настолько, что и у всех, кто рядом с ними, нет никаких забот и тревог. Увы, раз-мечтавшись, Ябан не заметил

присыпаного снегом хвороста, оступился, и чуть не упал.

Шум встревожил молодых. Дедушка от испуга на миг прижалась к парню. Но тотчас отстранилась и кинулась прочь.

— Эй, кто там?! — крикнул Дурдымурад.

Ябан спрятал лицо в ладонях. Он понял, что мечты его разбились и, более того, их осколки острыми иглами вонзились в его сердце. Он услышал, как стукнула дверь его дома.

А Дурдымурад тем временем подошел поближе и озирался, выставив перед грудью кулаки.

— Эй, ты! Если мужчина, выйди, не прячься. Или я тебя сам найду! — Голос Дурдымурада звучал звонко и требовательно.

Разгневанный Ябан вышел на свет.

— Я тебя сейчас так найду...

— Ой!.. — Дурдымурад узнал Ябана и бросился наутек.

Возмущенный поведением дочери Ябан, не разбирая дороги, брел к своей кибитке. Споткнулся, упал, больно ударил колено. Пошарил рукой по земле, желая найти палку, чтоб как следует проучить Огульсенем. Но потом вспомнил слова ишана о том, что отцу не подобает наказывать дочь, это дело матери, иначе жизнь девочки будет несчастливой. Теперь он готов был во всем винить Джумагуль. «Если мать, как мать, она должна знать, что в голове у дочери! — распалял он себя. — А, может, она знает?».

— Что стряслось, отец! — воскликнула Джумагуль, когда Ябан вошел в дом. — На вас лица нет!

— Больше всего не люблю бродить ночами, неизвестно с кем встретишься, — сказал Ябан, оглядывая кибитку. Огульсенем уже лежала в постели, до глаз укрывшись одеялом. — Что это она так рано в постель залезла?, — спросил он, обращаясь к жене. — Уж не умирать ли приготовилась?

— О чем вы это, отец? — удивилась Джумагуль.

— О том!.. Не видишь, жена, что у тебя под носом творится!

Беркут встрепнулся на хекеме, всплеснул своими большими крыльями. Ябан сел на кошму рядом с Тарланом, дорожащими от волнения пальцами коснулся золотистых перьев на затылке птицы. Почувствовав хозяйскую руку Тарлан успокоился.

— Горячая вода есть?

Джумагуль смутилась, покраснела. Кинула быстрый взгляд в

сторону Хыдыра, проверяя спит сын или нет. Тот нырнул с головой под одеяло.

– Так есть у нас горячая вода? – повторил Ябан.

– Полный кумган, отец.

– Хорошо. Сынок, помоги мне, – сказал он, пододвигая к себе таз. – Давно мы что-то Тарлана не купали. – Он взял беркута, стал снимать с него колпачок. – Полей-ка водички... – приказал он Хыдыру от чего-то дрогнувшим голосом.

Больше всего на свете Тарлан любил купаться. Оказавшись под струей теплой воды, беркут, блаженствуя, закрыл глаза. Весь вид его говорил о желании растянуть купание подольше.

– Видишь, Хыдыр, беркут готов каждый день купаться. Не то, что ты...

Но всему на свете приходит конец. Кончилась и горячая вода в кумгане. Куском полотна Ябан обернул птицу, сел с ней поближе к огню. Чтобы перья поскорей обсохли, отжимал их рукой. Все это помогло ему немного успокоиться, хотя и не отвлекло от тяжелых дум.

Этой ночью он долго не мог заснуть. То, что Огульсенем, его дочь, тайком ходит на свидания с парнем, оказалось для него настоящим ударом. Однако, перебирая в памяти события последних дней, он не без удивления обнаружил, что давно уже ему следовало насторожиться. Он припомнил, как при нем расхваливала сына Зохра, как Огульсенем вступилась за Бабакулы, как Дурдымурад хотел подыграть ему на состязаниях... Все это было неспроста. Чем больше он размышлял, тем все более запутанными представлялись ему события последнего времени, а поступки близких – дочери, жены – подозрительно странными. «Коль уродился простаком, так всякий свой кол выше твоего поставить норовит, – корил себя Ябан. – Ну, о чем еще говорить, если жена, что делит с тобой все невзгоды, и дочь, который ты подарил жизнь, даже они – против тебя. Одних детей Аллах забрал, других... избаловали. Чем больше для детей делаешь, тем меньше они это ценят. Верно старики говорят: «Кто не наказывал дочь сызмала, позже сам себя высечет!..»

Под конец Ябан решил, что в лепешку разобьется, но дочь выдаст замуж честь по чести. Заснул он с мыслью, что утром отправится

на охоту, чтобы немного развеяться.

5. На охоте

Увидев, что отец собирается в пески, Хыдыр упросил взять его с собою. Ему очень хотелось увидеть ручного джейрана, о котором он столько слышал. Ябан не стал отказывать сыну.

Пески были для Ябана всем. К ним стремилась его душа и в радости, и в горести, ибо он знал, что среди бескрайнего простора пустыни вновь сможет обрести душевный покой. И на этот раз пески встретили отца с сыном радушно, как желанных гостей. Ябану казалось, что из зарослей саксаула доносится негромкая мелодия, – то завывал налетающий несильными порывами северный ветер. В другой раз он, может, и подпел бы. Но сейчас Ябану было не до песен. Он все еще оставался во власти тяжелых дом, и, занятый ими, мало на что обращал внимание.

Чуть приметная тропа, петляя, вела в глубь песков. Лошадь, чувствуя, что всадник не торопится, ступала размеренным шагом. Беркут дремал на плече у Ябана. Хыдыр сидел за его спиной, озирался в надежде первым заметить дичь, но пески точно вымерли.

Внезапно лошадь шарахнулась в сторону и тревожно заржала, а вслед за ней пронзительно закричал Хыдыр. У поворота тропы стояла пара гиен-корсаков.

– Эх, ты!.. Храбрец называется!.. – крикнул Ябан.

Он знал, что опасаться гиен нет причины – те отступят. Но гиены растерялись и стояли на тропе, не желая уступать ее людям. Наконец они пришли в себя и, чтобы не уронить достоинства, негромко зарычали, а затем метнулись в сторону и через миг исчезли из виду, сделавшись неотличимыми от таких же рыжих, как они, песков.

– Знал бы, что ты такой, ни за что бы не взял с собой на охоту,

– Я не испугался, – начал оправдываться Хыдыр.

– Да уж я видел, – сказал, трогая лошадь Ябан.

Хыдыр еще долго не мог прийти в себя. Перед глазами у него стояли гиены. С виду отличающиеся от собак только необычным

полосатым раскрасом, они тем не менее здорово напугали его: что-то угрожающее было в их вздыбленной шерсти, в пронзительном взгляде исподлобья. Ему чудилось, что проклятые твари крадутся следом. Он, боясь оглянуться, прижимался к спине отца, и повеселел только когда они выехали на равнину. Ябан чувствовал состояние сына, но виду не подавал. Он уже начал присматриваться к окрестностям, в поисках дичи. Иногда пробегал в дали одинокий джейран или заяц, но Ябану жалел этих одиночек. Он знал, что стоит только джейрану потерять свое стадо – никакое другое его уже не примет. Одиночка может надеяться только на себя, говорят же, что сирота сам себе пуповину перерезает.

– Папа, папа, смотри! – раздался восторженный крик Хыдыра. – Джейран!

Из ближних зарослей, навстречу им прыжками приближался молодой джейран. Ябан остановил лошадь, спешил и шагнул ему навстречу. Джейран доверчиво ластился к ногам охотника и тихонько блеял. При виде его Ябан растрогался.

– Ах ты, бедолага, – приговаривал он, поглаживая джейрану спину. – Хватит, хватит, успокойся.

Только самому себе признавался Ябан, что своей неуместной жалостью он губит джейрана. Тот растет неженкой, сам даже прокормиться не может, хотя в округе вдоволь хороших пастбищ. Что станет с ним, если он, Ябан, перестанет подкармливать его? Ябан знал ответ. «Вот, что такое «неразумная любовь», – думал порой Ябан.

Джейран родился и вырос в этих местах, здесь же он потерял мать и остался сиротой. Эта низина была его миром, который он не решался покидать, хотя за грядой барханов лежали места, где трава погуще. Неподалеку от этого места его слабого и голодного нашел однажды Ябан. И хотя джейран очень привязан к Ябану, даже вместе с ним он не решается покинуть родные места. Когда провожает, доходит до чуть приметного холмика и дальше – ни шагу. Играет возле холмика, смотрит вслед другу и защитнику, пока тот не исчезнет из виду, но невидимую границу переступить не смеет, сколько ни зовет его Ябан.

В сопровождении джейрана они добрались до шалаша, который

служил Ябану станом. Он сам соорудил его, здесь хранился нехитрый скарб, необходимый охотнику вдали от дома. Здесь же обитал джейран. Войдя в шалаш, Ябан сразу заметил, что кто-то побывал здесь в его отсутствии. Тунче стояло на своем месте, но кто-то почистил его. Прежде оно было совсем закопченным. Прибавилось и имущества: появились две небольшие подушки и одеяло – старое, но целое. Сколько ни гадал Ябан, он так и не придумал, что за добрая душа оставила их здесь.

Он развел костер и поставил кипятить в тунче воду для чая. Достал из переметной сумы половину лепешки из джугары, и, подперев сзади палочкой, поставил ее разогреваться возле костра. Когда верхняя корочка от жара костра стала чуть темнеть, ловко повернул горячую лепешку другой стороной.

Обычно в шалаше было полно дыма, и он нещадно ел глаза. Сегодня дым столбом тянулся к небу, и это было верной приметой того, что скоро пойдет снег. С запада ползли низкие облака. Глядя на них Ябан подумал, что ноша, которая придавила его сердце, пожалуй, ничуть не меньше этих туч, похожих на тюки с шерстью. Эти черные тяжелые тучи раньше или позже обрушат на землю снегопад, или прольются дождем. Отчего человеческое сердце не может так же просто избавиться от своей ноши? Все оттого, что мужчинам не к лицу слезы. Но как же тогда облегчить душу?!

– Папа, смотри какие тучи, – тронул его за локоть Хыдыр. Ябан ничего не ответил – только кивнул и стал заваривать чай. Двумя хворостинами снял с огня тунче, бросил в кипяток заварки, трижды, чтоб было покрепче, переливал чай из кувшина в пиалу и обратно.

Внезапно совсем близко раздался волчий вой. А спустя немного времени на вершине бархана показались сами волки. Они были всего в десятке шагов от шалаша.

Хыдыр испугался, но виду не подал. Смотрел на волков, круглыми от страха глазами, и в груди у него накапливался противный холод. Волки были побольше аульских собак.

– Не страшно? – сказал Ябан.

– Нет!

Через некоторое время волки ушли своей дорогой. Хыдыр с отцом

приступили к трапезе. Горячий чай постепенно растопил льдинку, что лежала под сердцем.

– Папа... – начал Хыдыр, но умолк, и только после глотка чая продолжил. – Папа, я тебе что-то скажу, только ты никому об этом не рассказывай. Ладно?

– О чем это?

– Знаешь, папа, я испугался. Только ты никому об этом не говори, иначе мне проходу не будет.

– Ты же говорил, что не страшно?

– Говорил... А на самом деле испугался, – признался Хыдыр, отводя взгляд в сторону.

Powestler